Когда музыкант голоден, в нем просыпается бандит

В Париж – 2000 – 13 авг. –

на высоком уровне. Вот с Козаковым у нас спектакль. Это же другой стиль, я раньше такого не делал.

— *Как завязалось это сотрудничество?* С. 8-10, 12.

— Сначала я прочитал, что Михаил Козаков и Алексей Козлов сделали спектакль на стихи Бродского, «Концерт для голоса и саксофона». Прошло около года, вдруг звонок: «Это Михаил Козаков. У нас был спектакль с Алексеем Козловым, но мы расстались, и он порекомендовал вас». Козаков предложил мне сразу десять концертов в Америке. Мне показали подобранную музыку, и мы начали репетировать. Михал Михалыч меня мучил до самой премьеры, с утра до ночи читал мне стихи... Я молил: «Давайте музыку послушаем, мне уже все ясно!» — «Нет, ты должен послушать!» И опять... В итоге получился интереснейший спектакль, идет до сих пор. Но самое главное мое детище — биг-бэнд, который я собрал год назад. Натолкнули меня на эту мысль аранжировщик Виталий Долгов, он тридцать лет работал с Лундстремом, и Сергей Мазаев. Серега все время хотел, чтобы у меня был биг-бэнд, а он бы там был солистом. Эту программу «для Мазая с оркестром» мы теперь играем в джазовом клубе.

— *Не обидно? Широкая аудитория ведь клюет на Мазаева, а не на тебя.*

— Ну и замечательно! Она и должна клевать на Мазая, он — наша наживка. А мы уже должны показать класс. То есть люди должны сказать: «О, Мазай!.. А какой оркестр с ним играет!»

— *Правда, что именно Мазаев познакомил тебя с Оксаной и даже первым начал за ней ухаживать?*

— Я помню, как Мазай пришел на мой концерт с фантастически красивой девушкой... Как я завидовал! Она была высокая, красивая, надменная. Он сказал: «Это вот Игорь Бутман, наш лучший саксофонист». А она даже бровью не повела. Это был 1992 год, октябрь. В следующий раз я увидел эту сногсшибательную девушку в 94-м, опять на тусовке с Мазаем. Я ей сказал, что она мне нравится, стал ухаживать, дарить цветы — и все время получал вежливый отказ. Мы иногда созванивались. Потом я ей пару раз звонил из Америки, говорили о фильмах, музыке, книгах. Я все думал, может, своей интеллектуальностью ее сражу? В 1995 году я приехал на гастроли в Москву. Буквально перед приездом написал вальс. Оксана была на концерте, и когда я объявил, что следующая композиция посвящается замечательной девушке и называется «Вальс для Оксаны», она не смогла устоять. Поверила, что я не просто хочу затащить ее в постель, а у меня серьезные намерения. Мы стали встречаться. Предложение я ей сделал в Нью-Йорке, в каком-то китайском ресторане. Она ответила: «Давай попробуем». И вот уже пять лет мы мирно сосуществуем.

— *Свадьба была громкая?*

— Клевая. Тамадой был Борис Сергеевич Брунов, царство ему небесное. Было немного людей: Владимир Николаевич Шевченко, Андрей Кобзон с будущей женой Катей, Коля Носков, Мазай, джазмены некоторые. Потом я играл на саксофоне, Андрюша Кобзон пел, Борис Сергеич пел, мой папа пел. Потом мы решили ехать в Америку рожать ребенка, но Оксане не дали визу. Мы остались и родили в Москве, и все прошло замечательно. Вот с этого и началось мое второе рождение в России.

— *Брак с Оксаной, кажется, у тебя третий по счету?*

— Для меня единственный настоящий, по любви. Про первую

Такого в жизни не бывает

Для тех, кто не знает: это и называется джем-сейшн